

- 1997 - 11217 - с 15

ПЕТР ЛЕЩЕНКО ВЕРНУЛСЯ СВОИМИ ПЕСНЯМИ

Люди старшего поколения помнят певца Петра Константиновича Лещенко по песням: "Я тоскую по родине", "Чубчик", "Прошлящее танго", "Марушенька", "Жизнь цыганская"... Много поклонников у певца среди нынешней молодежи появилось благодаря вышедшим в свет пластинкам, дискам.

Сегодня у нас в гостях вдова Петра Константиновича – Вера Георгиевна БЕЛОУСОВА-ЛЕЩЕНКО.

– Вера Георгиевна, где вы познакомились с будущим мужем?

– Познакомились мы в сорок втором году. Накануне войны я занималась в Одесской консерватории по классу фортепиано. Уже тогда, в восемнадцать лет, я решила на вокальные выступления: пела между сеансами. В кинотеатре и застигла меня одна из бомбежек. Я бросилась бежать домой – так было страшно. Для обслуживания госпиталей сразу были созданы концертные бригады. В одной из поездов на линию фронта я была ранена.

Вскоре Одессу оккупировали румынские войска. Так случилось: отец на фронте, а мы с мамой и маленьким братом – в Одессе. Оккупационные власти не оставляли нас – семью ответственного работника, коммуниста – без внимания: являлись с проверками, выволакивали на улицу. Меня, как и многих подростков, пытались угнать в Германию. Спасло нас то, что я села за инструмент и сыграла первую часть Концерта Грига. Румыны очень музыкальны: солдаты взвода, который пришел нас забирать, оцепенели...

Конечно, мы остались под особым наблюдением, но удавалось отбиваться, удерживать семью. Я была единственной кормилицей: пела в забегаловках, на базаре. Едва удерживала огромный инструмент – играла на аккордеоне. Зато вечером приносила домой стакан крупы или мамалыги.

– Так как же вы познакомились?

– В 42-м в оккупированную Одессу приехал с концертами Петр Лещенко. Друзья-музыканты из оперного театра предложили провести меня к нему на репетицию – Лещенко пригласил их в свой оркестр. Репетиция началась. Я притаилась в первом ряду. Лещенко обрабатывал каждый инструмент – делал замечания музыкантам. В перерыве исполнитель на ударных инструментах Володя шепнул, что Петр Константинович спрашивал обо мне и хочет познакомиться.

После репетиции за кулисами Петр Константинович галантно целует мне, восемнадцатилетней девочке, руку. Спрашивает: "Вы – певица?" – "Вроде так". – "И пианистка?" – "Немножко играю на аккордеоне". – "Вы не могли бы что-нибудь нам спеть?" – "Пожалуйста".

Дали мне аккордеон. Спела я "Маму" **Модеста Табачникова**. Смотрю, у Петра Константиновича слезы! Он пригласил меня на вечерний концерт, дал визитную карточку – пригласительный билет. Вечером я оказалась в ложе, оглянулась – сижу одна. Место выbral он.

– И этот вечер решил вашу судьбу?

– Этот вечер стал для меня настоящим потрясением. Петр Константинович начал концерт русскими и цыганскими песнями, закончил первое отделение "Чубчиком". В антракте он заглянул в ложу: "Пожалуйста, после концерта зайдите ко мне за кулисы". Я только выдохнула: "Спасибо. Непременно".

Боже мой, какие романсы были во втором отделении! Поет, а обращается в мою сторону. Смотрю, и зал обращается в мою сторону тоже. А он поет в сопровождении оркестра да еще пританцовывает. После концерта его понесли на руках через весь зал. Ну, думаю, какие там "кулисы", он уж, верно, и забыл про меня...

Тихонько выбралась из театра. Думала, на этом и

закончилось мое знакомство с Лещенко. Словом, успокоила себя. Сидим с мамой, грустим, семечки лузгаем – это у нас и обед, и ужин. Вдруг слышим стук в дверь. Смотрим: Петр Константинович стоит с охапкой цветов! Узнал адрес у музыкантов – и сразу к нам. А мне неловко – угостить даже нечем. Он все понял. Представился маме. С тех пор стал бывать у нас часто. А в день моего девятнадцатилетия просил у мамы моей руки. Мы не ощущали большой разницы в возрасте. Во всех концертах выступали вместе.

– Как складывалась ваша семейная и творческая жизнь?

– К тому времени фашистов уже гнали с советской земли. Лещенко был гражданином Румынии (попал туда с родителями еще в детстве), уехал к себе в Бухарест вместе со мной. Когда на румынскую землю пришли наши войска, радости не было предела. Мы пели в госпиталях перед бойцами, перед маршалом Жуковым. Петр Константинович работал до изнеможения: всем хотелось слышать его песни. И он счастлив был дарить свое искусство освободителям.

В Бухаресте он завершил связанные с бракоразводным процессом дела. В сорок пятом мы с ним расписались, решили ехать в Советский Союз, на родину.

– Вы были довольны своей судьбой?

– Счастливым временем были первые послевоенные годы. Лещенко везде приглашали с выступлениями – и в посольство, и в какие-то закрытые учреждения, и на открытые концерты. Но постепенно мы заметили, что приглашений становится все меньше.

Наши войска ушли из Румынии. Мужа стали куда-то вызывать, возвращался расстроенный. И хотя подданство у меня осталось советское, в Союз ему предлагали ехать без меня: "Она советская гражданка и должна нести наказание за то, что покинула СССР..." А Лещенко ответил: "В таком случае только через мой труп".

– Разве у вас не было других предложений?

– Раньше его приглашали на житье в некоторые другие страны, однако он хотел только в Россию, домой. Он ведь и родился под Одессой, в Николаевской области, в селе Исаево.

– И все-таки его арестовали... Как это произошло?

– Шел 51-й год. Мы работали в румынском театре, потом поехали на гастроли в город Брашов. Был сборный концерт с участием румынских артистов. Прошло первое отделение. Петр Константинович кладет свою гитару на стол и, как обычно, собирается переодеться. Я готовлюсь ко второму отделению. И вдруг замечаю – его нет. Уже звонки в зале. Я не на шутку испугалась. И тут вызывают меня какие-то люди: "Вы не волнуйтесь. Петр Константинович задержан на день-два. А вы продолжайте работать". Я поняла, что его забрали.

Прошло девять месяцев – ни звука. Я сама осталась не у дел, жду мужа, не знаю, как мне быть. Наконец, вручают открыточку-безымянку, где сказано, что я должна приехать по такому-то адресу с такими-то вещами и продуктами. Это километрах в шестидесяти от Бухареста.

– Вы встретились?

– Много нас приехало. Стали вызывать по алфавиту. Я дождалась своей буквы. Вышел Петр Константинович. Осунувшийся, руки черные от работы. Между нами метра четыре и колочая проволока, ходят конвоиры-румыны. Даже дотянуться друг до друга не могли. Вот так мы с ним постояли, он поднял два пальца: "Видит Бог, я ни в чем не виноват. Надеюсь, что через год буду дома". Вот все, что он мог сказать.

Больше Петра Константиновича я не видела.

– И вам недолго пришлось оставаться на воле?..

– В 1952-м меня забрали. Я уже пела не на концертах, а в ресторане. Во время перерыва вызывают к выходу три человека, показывают удостоверения, берут меня под руки и вежливо так говорят: "Поедьте к вам домой. Нужно собираться на родину". Я спрашиваю: "Где мой муж?" – "Потом и муж приедет". Сажает меня в шикарную машину. Дома по-хозяйски помогают мне собираться. Открыли наш сейф. Ключи, наверно, у Петра Константиновича забрали. Все описали. Пытались даже коронки с зубов снять. Я только спросила: "Как быть с моей собачкой?" Они говорят: "Не волнуйтесь", а сами квартиру опечатали вместе с собачкой. Я поняла, что это арест.

– Знаю, что самая ценная вещь в вашем доме – аккордеон. Не расскажете ли его историю?

– Это подарок Петра Константиновича. Муж привез его из Одессы. Аккордеон был со мной в тюрьме и, можно сказать, спас меня. Сразу после ареста привезли меня в город Констанцу, в тюрьму. Полгода провела я в одиночной камере. Через полгода был закрытый суд при тюрьме. "Тройка" судила. Каждый день одно и то же твердили про Петра Константиновича: "Он проходимец, белогвардеец, отщепенец. Как вы могли выйти замуж за такого?!"

Прокурор объявил мне о расстреле. Я потеряла сознание. Потом заменили на двадцать пять лет лишения свободы с конфискацией имущества. Оставили только этот аккордеон. Он при мне всю жизнь.

Через три месяца меня перевели в днепропетровскую пересылочную тюрьму, потом в город Ивдель Свердловской области. Год скиталась я по тюрьмам.

– Вера Георгиевна, вам что-нибудь известно о дальнейшей судьбе Петра Константиновича?

– Он ушел из жизни в 1954 году. Это я уже потом узнала. Но так и неизвестно, где его могила и какой смертью он умер. А разыскивать, наводить справки в то время не было возможности. Сначала была в заключении, потом просто остерегалась его имени. Вышла замуж, поменяла фамилию. Стала **Андреановой**. Даже девичьей своей фамилии боялась. Так жила многие годы.

Мы сидим в обычной московской квартире. Вера Георгиевна показывает мне пластинки, кассеты, выпущенные в последние годы в Москве (в том числе и иностранными фирмами, находящимися в столице). Песни из репертуара Петра Лещенко сегодня звучат на эстраде, по радио, на телевидении. Одна из них – "У самовара я и моя Маша" – стала популярной благодаря Леониду Утесову. Теперь песни Петра Лещенко берут в свой репертуар многие молодые популярные эстрадные певцы.

Беседа вела Клара ХРОМОВА.

Фото Н.КОЧНЕВА.

Лещенко Петр Константинович

19.04.97.